

крышки».⁹ Таким образом, он сразу отмежевался от «хулителей», о которых «Всякая всячина» упомянула в статье «Неблагодарность вреднейший есть порок» (ВВ, с. 6). Заодно Чулков, с оглядкой на заявленную «Всякой всячиной» программу, определил границы своих намерений в качестве журналиста. Если там было заявлено, что читатели получают полезные наставления, увеселительные сочинения и сатиру («Ко читателю», ВВ, с. 4), то Чулков представился как человек смиренный и снисходительный. Исправлять он никого не собирался, «титул народного учителя» на себя не принимал, а писать собирался о том, что ему «возможно и о чем имеет действительное сведение <...>; вначале о хорошем, потом о посредственном, а наконец и о худом». Под «именем худа» он «разумел малые вещи».

Подробность объяснений и вежливый тон статьи создают впечатление, что если Чулков и не знал, кто конкретно издает журнал, то во всяком случае был осведомлен о влиятельности кружка издателей. С другой стороны, создается впечатление, что он как будто намекал на какую-то связь между организацией «Всякой всячины» и началом своего журнала. Он шутил, что мог бы написать целую родословную, по которой «Всякая всячина» приходится ему старшей сестрой. «Причитаясь» в столь близкую и равную родню, Чулков, как вскоре выяснилось, допустил серьезную бестактность, тем более что и в литературном отношении он поставил свою музу рядом с музой Козицкого и Екатерины II. «Всякая всячина» родилась на Парнасе, рассуждал он, «да и я неподалеку оттуда», «тебя производила муза, да и меня, я думаю, та же», «близки мы друг другу, как солнце к огню». Разница между тем была большая. С одной стороны, выступали писатели со сложившейся репутацией, вроде Козицкого и Елагина, с намерением пропагандировать серьезную политическую программу. С другой — за издание журнала взялся автор развлекательного сборника повестей «Пересмешник», педоучившийся гимназист Московского университета, придворный квартирмейстер, преследовавший при этом чуть ли не меркантильные соображения.

Первый лист «Всякой всячины» раздавался бесплатно. Чулков на титуле своего рекламного листа приписал: «Строками служу, бумагой бью челом, а обоим вообще извольте покупать, купив же считайте за подарок, для того, что небольшого оно стоит». А далее, хотя и в шуточной форме, призывал читателей, не скупясь, оплачивать его труды не столько похвалой, сколько деньгами: «Я, право, не отрекусь». «Всякая всячина» ожидала серьезной поддержки своим взглядам. Чулков же собирался «смешить людей благоразумных» (л. 1), «угождать тем людям, которые всеми силами стараются убраться от дела, а упражняются в бездельи» (л. 2).

⁹ И то и сьо, 1769, л. 3. Далее ссылки на это издание в тексте (с указанием номера недели-листа).